

ИЗ НАСЛЕДИЯ ПРОШЛОГО

О СВЕТЕ, ИЛИ О НАЧАЛЕ ФОРМ

Р. Гроссетест (ок. 1175–1253)

(1)

Я считаю, что первая телесная форма, которую некоторые называют телесностью (*corporeitatem*) [2], есть свет (*lux*). Ведь свет в силу самой своей природы (*per se*) распространяет себя самого во все стороны, причем таким образом, что из световой точки тотчас же порождается сколь угодно большая световая сфера, если только путь распространения света не преградит нечто, способное отбрасывать тень (*umbrosum*). Телесность же есть то, необходимым следствием чего является распростирание материи по трем измерениям, при том, что обе они, то есть телесность и материя, суть субстанции сами по себе простые, лишённые всякого протяжения. Невозможно же было, чтобы форма, простая по сути своей и лишённая протяжения, в материю, столь же простую и лишённую протяжения, внесла это протяжение по всем направлениям, если только не умножив по необходимости себя же саму и не распространившись тотчас же во все стороны и в своем распространении материю не распростерши (ибо форма сама не может оставить материю, так как она от нее неотделима, и материя сама не может лишиться себя формы). – Однако я заявил уже, что свет есть то, чему таковая деятельность (*operatic*), то есть самого себя умножать и во все стороны тотчас же распространять, присуща по самой его природе. Что бы в таком случае ни совершало данное действие (*opus*), оно является или самим светом, или тем, что совершает это действие в силу причастности самому свету, совершающему его по природе своей. Телесность, следовательно, есть или сам свет, или то, что совершает упомянутое действие и вносит в материю измерения в силу того, что оно причастно самому свету и действует посредством свойства самого света. Но ведь невозможно, чтобы первая форма вносила в материю измерения посредством свойства следующей за ней формы. Свет, таким образом, не есть форма, следующая за телесностью, но есть сама телесность.

Далее: мудрые люди считают, что первая телесная форма является более достойной, более превосходной, более благородной по сущности своей и

в большей степени подобной отдельно существующим формам, чем все последующие формы. Свет же по сущности своей достойнее, благороднее и превосходнее всех телесных вещей и в большей, чем все тела, степени подобен отдельно существующим формам, которые суть интеллигенции [3]. Свет, следовательно, есть первая телесная форма.

(2)

Итак, свет, который есть первая форма в первой материи сотворенная, себя самого посредством себя же самого со всех сторон бесконечно умножающий и во все стороны равномерно простирающий, распростирал в начале времен материю, которую не мог оставить, растягивая ее вместе с собой до размеров мироздания (*mundi machina*). И распространение материи не могло происходить посредством конечного умножения света, ибо, как то показал Аристотель в «О Небе и Мире» [4], нечто простое (*simplex*), воспроизведенное конечное число раз, не порождает величины (*quantum*). Бесконечно же умноженное простое с необходимостью порождает конечную величину, так как произведение от какого-либо бесконечного умножения бесконечно превосходит то, посредством умножения чего оно производится. Однако одно простое не превосходит бесконечно другое простое, но только лишь конечная величина бесконечно превосходит простое. Бесконечная же величина превосходит простое бесконечно число раз бесконечно (*infinities infinite*). – Необходимо, следовательно, чтобы свет, который прост по природе своей (*in se*), будучи бесконечно умноженным, распростирал материю, точно так же простую, до размеров конечной величины (*magnitudinis*).

Но бесконечная сумма (*aggregatio*) одного множества может соотноситься с бесконечной суммой (*congregatio*) другого множества в любой числовой пропорции, а также и в любой нечисловой. И существуют бесконечности, большие других бесконечностей, и бесконечности, других бесконечностей меньшие. Так, сумма всех чисел как четных, так и нечетных, – бесконечна, и в то же время она больше не в меньшей степени бесконечной суммы всех четных чисел, ибо превосходит ее на сумму всех нечетных чисел. Также и сумма чисел, полученных в результате процесса удвоения всех чисел, начиная с единицы (*ab unitate continue duplorum*), – бесконечна; и точно так же бесконечна сумма всех половин (*subduplorum*) этих чисел. И сумма этих половин с необходимостью является половиной суммы чисел, в два раза больших. Таким же точно образом сумма всех чисел, полученных в результате процесса утроения всех чисел, начиная с единицы (*ab unitate triplorum*) втрое больше суммы всех третей (*subtriplorum*), соответствующих этим числам. – Ясно, что так обстоит дело со всеми видами числовой пропорции, ибо бесконечное может относиться к бесконечному согласно любому из них [5].

Если же полагается бесконечная сумма всех чисел, полученных в результате процесса удвоения всех чисел, начиная с единицы, и бесконечная сумма всех половин, соответствующих этим числам, и от суммы половин

отнимается единица или какое угодно иное конечное число, то как скоро вычитание будет сделано, между первой суммой и тем, что осталось от второй суммы, уже более не сохранится пропорции два к одному (*dupla proportio*). Впрочем, не будет и вообще никакой числовой пропорции, поскольку если от одной числовой пропорции посредством вычитания из меньшего ее члена (*a minori extremitate*) должна быть составлена другая числовая пропорция, то необходимо, чтобы то, что вычитается, было кратной частью или несколькими кратными частями того, из чего оно вычитается. Конечное же число не может быть кратным или несколькими кратными числа бесконечного. Таким образом, после вычитания числа из бесконечной половинной суммы не сохраняется числовой пропорции между бесконечной удвоенной суммой и тем, что осталось от бесконечной половинной суммы.

Вследствие всего этого ясно, что свет посредством своего бесконечного умножения распространяет материю до меньших конечных размеров и больших конечных размеров в соответствии с любыми пропорциями, которые они имеют по отношению друг к другу, а именно числовыми и нечисловыми. Так, если свет посредством бесконечного самоумножения распространяет материю до размера, равного двум кубам (*in dimensionem bicubitam*), то путем удвоения этого бесконечного умножения он распространяет ее до размера, равного четырем кубам (*in dimensionem tetracubitam*), а путем уполовинивания его распространяет ее до размера, равного одному кубу (*in dimensionem monocubitam*); и так же в соответствии с остальными пропорциями, числовыми и нечисловыми.

Это, как я думаю, было представление философов, полагающих все состоящим из атомов и говорящих, что тела состоят из плоскостей, плоскости из линий, а линии из точек [6]. – Но это мнение не противоречит тому, которое полагает, что величина состоит только из величин, ибо в стольких смыслах можно сказать о целом, в скольких можно сказать о части. Ведь в одном смысле говорится о половине (*medietas*), которая, будучи взята дважды, дает целое, что она есть часть целого; и совсем в другом смысле о стороне, которая, будучи несколько раз взятой, диагонали (*diametrum*) не дает, но диагональю превышает, говорится, что она есть часть диагонали [7]. Также в одном смысле говорится об угле касания (*angulus contingentiae*) [8], что он есть часть прямого угла, в котором существует бесконечное число таких углов, но, будучи вычтенным из прямого угла конечное число раз, угол касания все же уменьшает его; и совсем в другом смысле говорится о точке, что она есть часть линии, в которой существует бесконечное число точек, и будучи вычтенной из линии конечное число раз, точке не уменьшает ее.

(3)

Итак, возвращаясь к моей теме, а говорю, что свет, распространившись путем бесконечного равномерного во все стороны самоумножения, равномерно же распространяет и материю, придавая ей со всех сторон сферическую форму [9]; и из этого распространения с необходимостью следует, что

крайние области материи распространяются и разрезаются в большей степени, чем ее внутренние области, близкие к центру. И до тех пор, пока крайние области не станут разреженными в высшей степени, внутренние будут подвержены все большему разрежению [10].

Следовательно, свет, указанным способом первую материю распространяющий, придавая ей тем самым сферическую форму, и крайние области ее в высшей степени разрезающий, полностью реализовал возможность материи в крайней сфере, после чего оставил ее неподверженной дальнейшему воздействию. Так, на краю сферы было образовано совершенное первое тело, называемое твердью (*firmamentum*) [11], ничего не имеющее в своем составе, кроме первой материи и первой формы. И поэтому тело это является наипростейшим в отношении частей, составляющих его сущность, и в отношении его максимальной величины; и ничем не отличающимся от общего рода всех тел (*a corpore genere*) за исключением того, что материя в нем наполнена одной лишь первой формой. Общий же род всех тел, наличествующий и в тверди и в других телах, имеющий в сущности своей первую материю и первую форму, уже более не подвержен наполнению своей материи первой формой и уменьшению в своей материи первой формы.

Итак, после того как было полностью завершено таким образом первое тело – твердь, оно испустило свое свечение (*lumen*) из каждой части своей по направлению к центру вселенной [12]. Ведь так как свет есть совершенство первого тела и сообразно природе своей себя самого от первого тела умножает, то он по необходимости изливается ко всеобщему центру. Поскольку же свет есть форма, от материи в процессе своего излияния от первого тела совершенно не отделимая, он распространяет вместе с собой и духовность материи первого тела. Так от первого тела исходит свечение, представляющее из себя духовное тело или, лучше сказать, телесный дух. А так как свечение в процессе своего прохождения не рассекает тела, через которое перемещается, оно тотчас же проходит путь от тела первого неба до самого центра. И прохождение его не следует мыслить как внезапное перемещение от неба к центру некоего отдельного предмета, – да это, пожалуй, и невозможно, – но оно есть перемещение посредством своего умножения и бесконечного порождения свечения. Таким образом, само это свечение, от первого тела до центра распростертое и собранное, сосредоточило существующую под первым телом массу; и так как первое тело уже не могло уменьшаться, поскольку оно совершенно и неизменно, а место не могло оказаться пустым, возникла необходимость того, чтобы в процессе самого этого сосредоточения крайние области массы распростирились и рассредоточивались. Так во внутренних областях упомянутой массы возникала большая плотность, а в крайних областях увеличивалась разреженность; и появилась такая сосредоточивающая сила свечения, что она до предела утончала и разрезала крайние области содержащейся под первым телом массы, сама же в процессе этого сосредоточения убывала. Таким образом в крайних областях упомянутой массы возникла полностью завершенная вторая сфера, далее не

восприимчивая к какому-либо воздействию. И вот каково достоинство и совершенство второй сферы: поскольку свечение порождается из первой сферы, из света, то свет этот, будучи простым в первой сфере, во второй является удвоенным.

И подобно тому, как свечение, порожденное первым телом, полностью завершило вторую сферу и оставило внутри нее более плотную массу, так и свечение, порожденное второй сферой, третью сферу образовало и под этой третьей сферой оставило благодаря процессу сосредоточения еще более плотную массу. И само это рассредоточающее сосредоточение проходило в таком порядке до тех пор, пока не было полностью завершено девять небесных сфер и внутри девятой, самой нижней, сферы не была сосредоточена уплотненная масса, являющаяся материей четырех элементов. Самая же нижняя сфера, которая есть сфера Луны, также свечение из себя порождающая, содержащая под собой массу свечением своим сосредоточила и, сосредоточая, крайние ее области утончила и рассредоточила. Однако сила этого свечения не была столь большой, чтобы, сосредоточая эту массу, крайние области ее рассредоточить до предела. Поэтому несовершенство и возможность быть подвергнутой сосредоточению и рассредоточению сохранились в каждой области этой массы. И хотя высшая ее область, рассредоточенная не до предела, однако посредством своего рассредоточения сделалась огнем, она все равно до сих пор осталась материей элементов [13]. – Огонь же, свечение из себя порождающий и массу, под ним содержащуюся, сосредоточивающий, крайние ее области рассредоточил, однако путем рассредоточения меньшего, чем свое собственное; и таким образом воздух произвел. – Воздух также из себя духовное тело, или телесный дух, порождающий и массу, в нем содержащуюся, сосредоточивающий и, сосредоточивая, края ее рассредоточивающий, произвел воду и землю. Но поскольку в воде осталось более от свойства сосредоточения, чем от свойства рассредоточения, сама вода, а также и земля, остались обладающими весом.

Вот таким образом произошли тринадцать сфер [14] этого чувственного мира, а именно: девять небесных – неизменных, неподверженных росту, возникновению и уничтожению, ибо они совершенны; и четыре, существующих противоположным образом, – изменчивых, подверженных росту, возникновению и уничтожению, ибо они несовершенны. – И очевидно, что каждое высшее тело благодаря свечению, из него порожденному, является общим видом и совершенством следующего за ним тела. И как единица есть в возможности всякое последующее число, так же и первое тело благодаря умножению своего свечения есть всякое последующее тело.

Земля же есть нечто высшее по отношению ко всем телам благодаря соединению в ней высших свечении. По этой причине сама она есть то, что поэтами зовется Пан [15], то есть «все»; и равным образом зовется также Кибела (Cybele) [16], то есть как бы «лоно» (cubile), которое в свою очередь получает имя от плотного куба (cubus) [17], ибо земля есть самое плотное из всех тел. Это Кибела, мать всех богов, так как, хотя и объединенные в земле

высшие свечения все же не возникли в ней посредством ее собственных действий, из нее в действительность и в действие свечение какой угодно сферы может производиться, то есть как бы из некой матери любой из богов порождаться. Срединные же тела имеют двойственный вид. Ибо хотя они и существуют в отношении к низшему, подобно тому как первое небо ко всему остальному, они существуют и по отношению к высшему, подобно тому как земля ко всему прочему. И так каким-либо образом в любом из них присутствует все остальное.

Общим же видом и совершенством всех тел является свет: но у высших тел более духовный и простой, у низших же – более телесный и преумноженный. Но все тела не суть одного и того же вида, хотя все они и были произведены от простого или же преумноженного света, точно так же, как и все числа не суть одного и того же вида, хотя и получены они все из единицы путем большего или меньшего ее умножения.

И благодаря этому убедительному рассуждению понятна мысль тех, кто говорит: «Все едино по причине свершения всего из единого света», и мысль тех, кто говорит: «То, что множественно, множественно по причине различного умножения света» [18].

(4)

Поскольку же низшие тела причастны форме высших тел, низшее тело из-за причастия его наряду с высшим телом одной и той же форме воспринимает движение от той же самой бестелесной движущей силы (*yirtute motiva incorporate*) [19], которой движимо и высшее тело. Вот почему бестелесная сила интеллигенции, или души [20], которая суточным движением движет первую и высшую сферу, движет тем же самым суточным движением и все низшие небесные сферы. Но чем ниже эти сферы оказались, тем более слабое движение они воспринимают, так как насколько более низкой оказалась сфера, настолько менее чистый и более слабый присутствует в ней первый телесный свет.

Хотя элементы и причастны форме первого тела, они, тем не менее, не движимы суточным движением двигателя первого неба. Хотя и причастны они тому первому свету, однако не повинуются первой движущей силе, так как имеют свет тот нечистым, слабым, удаленным от чистоты своей в первом теле, и так как обладают к тому же плотностью материи, являющейся началом сопротивления и неповиновения. Однако некоторые думают, что сфера огня вращается этим суточным движением, внешним выражением чего полагая обращение комет, и говорят также, что это же движение беспрестанно в водах моря производится, так что от него происходят морские течения [21]. Однако все правильно философствующие говорят, что земля этому движению не подвержена.

Таким же точно образом и те сферы, что следуют за второй сферой (которая, если вести счет вверх, обычно зовется восьмой), в силу причастности

ее форме все принимают участие в ее движении, которым они обладают как своим собственным наряду с суточным движением.

Сами же небесные сферы благодаря совершенству своему не испытывают разрежения или уплотнения, свет в них не отклоняет части материи ни от центра, чтобы разредить их, ни к центру, чтобы их уплотнить. И вследствие этого сами небесные сферы не испытывают движения вверх или вниз, но только лишь круговое движение воспринимают от движущей интеллектуальной силы, которая на саму себя телесно отражая взгляд свой, вращает эти сферы телесным обращением. Свечение же, которое наличествует в элементах, в силу их несовершенства и способности к разрежению и уплотнению отклоняет эти элементы или от центра, чтобы разредить их, или к центру, чтобы их уплотнить. И вследствие этого элементы или вверх, или вниз, согласно природе своей могут двигаться [22].

(5)

В высшем же теле, которое является наиболее простым из тел, следует различать четыре особенности, а именно: форму, материю, их сочетание (*compositio*) и составленное из них (*compositum*). – Форма в силу своей наибольшей простоты занимает положение единичности. – Материя же вследствие своей двойственной способности, то есть вследствие ее способности воспринимать и хранить впечатления, а с другой стороны, вследствие ее делимости, которая является коренным свойством самой материи и прежде всего и преимущественно относится к двоичности, с полным правом получает природу двоичности. – Сочетание же троичность в себе содержит, ибо в его составе обнаруживается и оформленная материя, и оматериальная форма, и сама особенность сочетания, которая как нечто третье, отличное от материи и формы, находится во всяком составленном. – И то, что является составленным вследствие этих трех особенностей, скрепляется в силу присущей ему четверичности. – Следовательно, в первом теле, в котором, разумеется, в сущности (*virtualiter*) присутствуют и прочие тела, наличествует четверичность, и потому числовое качество прочих тел никак не может превышать десятичность. Ибо ведь единица формы, двоица материи, троица сочетания и четверица составленного, когда они соединяются, составляют десятку. Вот почему и число мировых сферических тел – десять: ведь сфера элементов, хотя и разделяется на четыре, все же – одна, в силу своей причастности телесной земной природе.

Отсюда видно, что десять является совершенным числом вселенной, так как всякое целое и совершенное имеет в себе нечто, подобное форме и единице, нечто, подобное материи и двоице, нечто, подобное сочетанию и троице, и нечто, подобное составленному и четверице. И нет надобности прибавлять что-либо пятое свыше этих четырех. Вот почему всякое целое и совершенное есть десятка [23].

Это же очевидно, что только лишь те пять пропорций [24], которые находятся в четверке чисел: один, два, три, четыре, – пригодны для сочета-

ния и согласия, дающего постоянство всякому составленному. Вот почему только лишь эти пять пропорций являются гармоничными в музыкальных ритмах, танцевальных телодвижениях и метрических стихотворных размерах.

Конец трактата Линкольнца «О свете».

20 октября 2006 года

ON LIGHT, OR THE BEGINNING OF FORMS

R. Grosseteste (c. 1175–1253)